

Борис Останин

НА БРЕЮЩЕМ ПОЛЕТЕ

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург
2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
О76

Останин Б.

О76 На бреющем полете / Борис Останин. — М. ; СПб. : «Т8
Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 356 с. —
(Серия «Пальмира — Останин»).

ISBN 978-5-517-07505-5

В книгу известного петербургского писателя Бориса Останина вошли произведения, ставшие в свое время заметным явлением литературного андеграунда: диалоги, пьесы, миниатюры, а также критические статьи и эссе разных лет, в том числе написанные в соавторстве с А. Драгомощенко, А. Кобаком, О. Кушлиной.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-07505-5

© Останин Б. В., 2022
© Мартынов Б., составление, 2022
© Зубова Л. В., предисловие, 2022
© Скидан А. В., предисловие, 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Людмила Зубова. Предисловие</i>	7
<i>Александр Скидан. Две-три вещи, которые я знаю о нём</i>	10

I

Черновики к Введенскому	15
Марсий в клетке	49
Перчатка с левой руки (совм. с <i>А. Драгомощенко</i>) . . .	80
Поиски дервиша. Памяти <i>Леона Богданова</i> (совм. с <i>К. Козыревым</i>)	93
Одежды Кушнера	109

II

Молния и радуга. Пути культуры 60—80-х годов (совм. с <i>А. Кобаком</i>)	135
Новая поэзия?? — Конечно!!	166
«Быть вместо иметь...» <i>Разговор с Ольгой Кушлиной</i> . .	177
Журнал «Часы» и его потенциальные авторы	186

III

Равенство, зигзаг, трилистник, или О трёх родах поэзии	193
---	-----

Сирин: двадцать два плюс один (совм. с <i>Б. Мартыновым</i>)	201
Сирин: 22 + 2	206

IV

Идеальная книга, или Детектив для всех	211
Загадка розового цветка (совм. с <i>Б. Мартыновым</i>)	221
Секс или бомба?	227
Монологи на повышенных философских тонах	239

V

Р. Р. Р. (Лингвистическая пьеса для звукозаписывающего устройства)	271
--	-----

VI

На бреющем полёте	285
Приложение	
Воробей на асфальте	340

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чтение этой книги Бориса Останина напомнило мне известную фразу: нет бывших математиков, подобно тому как нет бывших спаниелей.

Автор книги всю свою сознательную жизнь думает над задачами, которые ставит перед ним всякое непонятное и противоречивое или, наоборот, подозрительно понятное. В жизни этого немало, а литература вообще вся такая. Литературный процесс — тем более. Борис Останин учитывает и анализирует всё, что дано, не пренебрегая помехами, уведящими от простого решения. И, что особенно важно, он убеждён, что любой тезис требуется доказать. Предлагаемые решения (или уточнения условий задачи) формулирует кратко, точно, содержательно — как это может делать только поэт: «Человек без Бога так же *спокоен*, как человек с Богом... Тревожится лишь тот, кто не вполне понимает, с кем он: с Богом или без Бога».

В начале статьи «Молния и радуга», написанной совместно с А. Кобаком, — о двух противоположных психологических типах, составляющих доминанты культуры 60-х и 80-х годов, — есть слова, которые сразу же вызывают доверие к её автору: «Критик, в нашем понимании, — не указчик, не ответчик и не погромщик, но *совопросник века сего*, организатор гуманитарных предприятий, создатель благоприятствующей пониманию атмосферы, мироносец».

Постоянно думая о том, что хорошо и что плохо, отчётливо отличающий добро от зла, Останин видит, что жизнь нуждается

в явлениях противоположных. Обозначая антиномии, он умеет назвать сущность явлений по самому лучшему в них: «Нестандартные реакции — „материальный“ залог таких хрупких завоеваний человека, как свобода и достоинство личности, в то время как системность и целеустремлённость обеспечивают взаимопонимание людей и плодотворность совместных усилий».

Борис Останин умудряется смотреть как будто извне на литературный процесс, внутри которого он находится много лет. Меняется действительность, в которой всё время приходится заново учиться, по-другому читать книги, которые формировали убеждения, взрослеют и старятся люди, устаревает новизна. Одна из лучших миниатюр Бориса Останина: «Ты, отдыхающий в тени крыла, не забывай, что это тень крыла летящей птицы, что птица летит, что она *уже* улетела — где же она, тень её крыла?»

Книга и называется «На бреющем полёте». Авиационная метафора оживает в образе этой бреющей тени крыла.

В миниатюрах (они же — «максимы»), которые содержатся в этой и в прежних книгах Останина («Пунктиры», «Белые флаги»), он, философствующий, отличается от большинства профессиональных философов точностью и вразумительностью. В статьях (особенно «Молния и радуга», «Монологи на повышенных философских тонах») он — критик-психолог, не похожий на других независимостью от моды и даже от идеологии среды, которая его сформировала и которую во многом формировал он сам, то есть от культурно-социальных установок ленинградского андеграунда 60-х — 80-х годов. В пьесах-стенограммах-пародиях на учёные дискуссии (например, «Перчатка с левой руки» — об Ахматовой, «Марсий в клетке» — о Елене Шварц), Борис Останин, забавляясь, говорит нечто весьма серьёзное и существенное. «Сеть склонностей как фильтр и организация; серьёзность как стержень», «не припела ли уже пора для нового монолога и для новой серьёзности?» — его слова.

Очень хорош текст «Р. Р. Р. Лингвистическая пьеса для звукозаписывающего устройства», с замечательным юмором составленный из реплик реальной разговорной речи, записанной лингвистами. Тут можно было так разгуляться, так поглумиться над

косноязычием и эгоцентричностью говорящих, но Останин, демонстрируя живой язык и живые ситуации, вовсе не унижает персонажей. Получается удачный шарж — текст пьесы оказывается лучше, чем исходный материал. Как говорит Останин в обзоре журнала «Беседа», «мы оказались, вполне возможно, на свалке речи и живём в окружении пустых, затёртых, вымороченных слов... но достаточный ли это повод для нигилистического отрицания *самого слова?*»

И тексты, написанные Останиным в соавторстве, и диалоги, и пьесы, и тексты его приёмного сына — всё это воплощение личности Бориса Останина, его «я», составленное из «мы».

«По определению, всё, о чём мы (осмысленно) говорим, — системно. Системность и есть смысл» — формула, применяемая Останиным к словесности и бытию. Он систематизирует «людей молнии» и «людей радуги», определения поэзии, критические статьи о богословских трактатах, потенциальных читателей романа У. Эко «Имя розы», мотивы отказа от публикации в самиздатском журнале «Часы», варианты прочтения псевдонима Набокова «Сирин» в пародийно учёном трактате и ещё много чего.

Рефлексия на тему вариантов впечатляет нестандартностью отношения к ним в наше время, восторженно принимающее множество возможностей: «Сторонники „ветвящегося мышления“, пренебрегая ценностной иерархией и довольствуясь плюшкинским изобилием вариантов как таковым, вручают нам кучу камней вместо хлебов и обрекают блуждать в лабиринте зыбких возможностей (ни одну из которых ничто не побуждает реализоваться), где нас поджидает жестокий Минотавр тоски и отчаяния».

В общем, книга Останина серьёзная и нескучная, в чём-то хаотичная, а по существу системная. Вроде бы составленная из работ довольно давних, но вполне современная, содержащая не только собственные тексты, однако очень личная. Очень личная, но дающая возможность понимать общество, время, движение идей во времени. И — что ещё очень привлекает, — книга человека не разрушающего, а создающего.

Александр Скидан

ДВЕ-ТРИ ВЕЩИ, КОТОРЫЕ Я ЗНАЮ О НЁМ

1

Я познакомился с Борисом Останиным в 1989 году, когда пришёл в Свободный университет, где он возглавлял «кафедру» поэзии. Уже был прочитан Барт, и мы допытывались у Останина, что же такое письмо. В ответ он рассказывал, как Гастон Башляр падал с велосипеда и как это падение сказалось на психоанализе воды и огня (надо отметить, что у Останина сложились особые отношения с велосипедом: другой его любимой историей было мучительное, изматывающее верчение педалей беккетовским Моллоем; от велосипеда он переходил к сцене выманивания Моллоем денег у матери посредством нанесения ей кодифицированных ударов по лбу; возможно, несчастный Моллой метонимически ассоциировался с Виктором Кривулиным, которого Останину не однажды приходилось транспортировать на закорках), о Елене Шварц, Борисе Кудрякове и Саше Соколове. От Останина я впервые услышал об Александре Введенском и Леоне Богданове. На занятия он притаскивал новые и старые номера «Часов». Увы, позднее Свободному университету пришлось перебраться из Лектория на Литейном проспекте в Дом писателей. То ли небезызвестное соседство повлияло на атмосферу наших собраний, то ли писатели сделали это место абсолютно непригодным, то ли стиль «учителя», который ничему толком не учит, расхолаживал нас, недоумков, то ли всё это вместе,